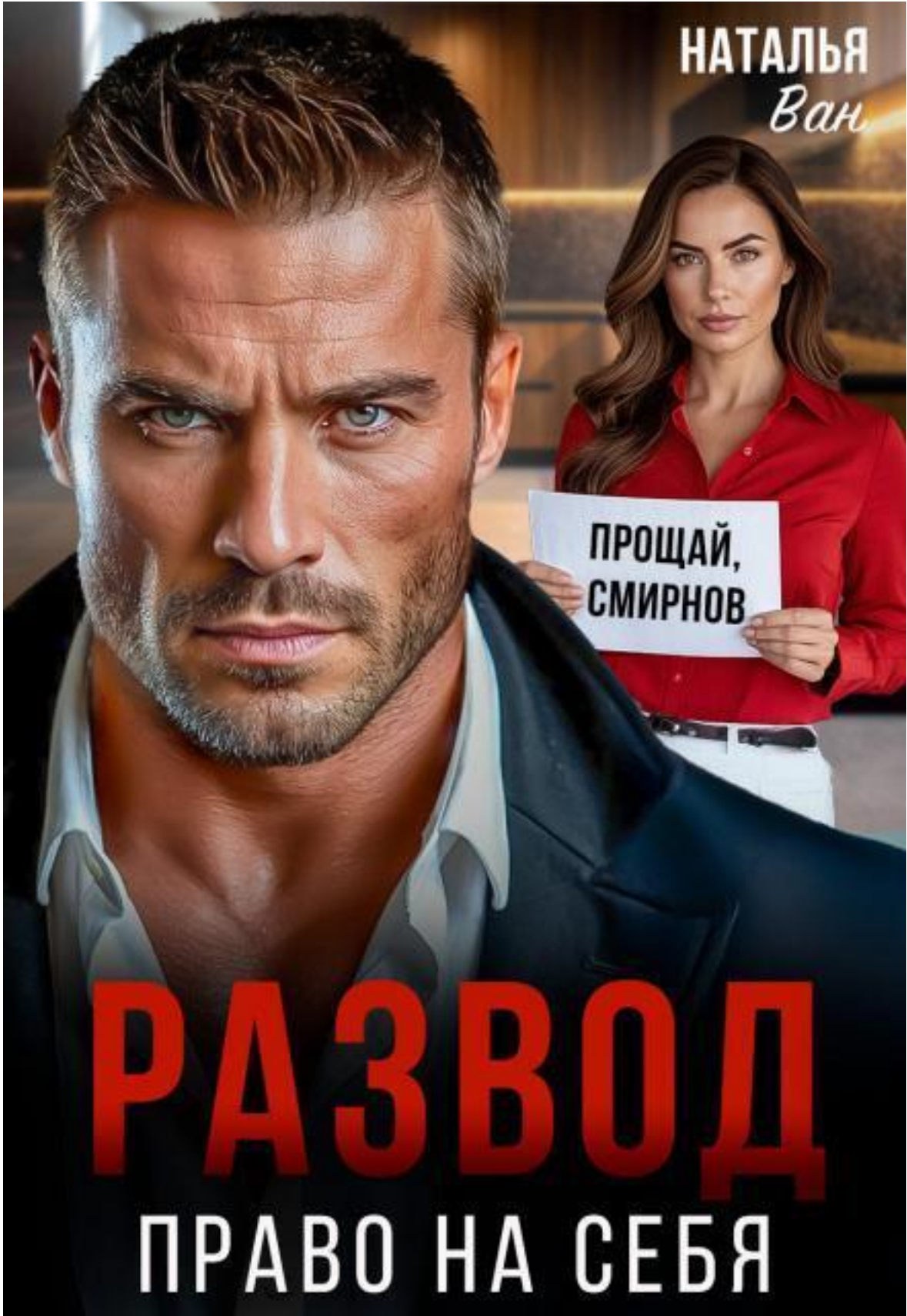

A movie poster featuring a close-up of a man with a serious expression in the foreground. In the background, a woman in a red shirt holds a sign. The title is at the bottom in large red and white letters.

НАТАЛЬЯ
Ван

ПРОЩАЙ,
СМИРНОВ

РАЗВОД

ПРАВО НА СЕБЯ

Наталья Ван

Развод. Право на себя

«Литнет»

2025

Ван Н.

Развод. Право на себя / Н. Ван — «Литнет», 2025

— Папа, а кто эта тётя? — беззаботно спрашивает незнакомый ребенок, сидя на заднем сиденье нашей машины.— Миша, это кто? — мой голос надламывается. — Что значит “папа”?Мой муж стискивает челюсти, глядя на меня так, словно я устроила этот кошмар.— Алёна, только без истерик. Это мой сын и он вынужден временно пожить с нами.Двадцать лет брака. Двое взрослых сыновей. И я узнаю, что у мужа есть маленький ребёнок. От женщины, которой, как он клялся, больше нет в его жизни. Только, кажется, он забыл, что его жена один из лучших бракоразводных адвокатов в городе.Книга участвует в литмобе: "Прощай предатель"

© Ван Н., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Визуализация Алены	10
Визуализация Миши	11
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	33
Глава 12	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Глава 1

Алена

Сегодня в конференц-зале пахнет холодным кофе и амбициями. Последние слайды презентации горят на экране. Цифры, графики, бездушные доказательства успеха. Моего успеха. Я закрываю папку, и за столом пробегает одобрителный шепот. Дело, за которое мы боролись три месяца, теперь наше.

— Алёна Валерьевна, поздравляю! — мой директор пожимает мне руку. — Жестко, бескомпромиссно и красиво. Как всегда.

Я отвечаю профессиональной улыбкой. “Жёстко и красиво”. Похоже, это мой девиз не только в зале суда. В воздухе висит всеобщее облегчение. Коллеги обнимаются, кто-то уже шутит про вечерний корпоратив.

В коридоре достаю телефон. На экране семейное фото. Миша, я, Стёпа и Илья у фонтана в парке. Идеальный кадр. Идеальная жизнь. Нажимаю на быстрый набор.

Муж поднимает трубку почти сразу.

— Привет, — голос у него глуховатый, как будто он в помещении с плохой акустикой.

— Ты где? Уже подъехал? Готов ехать за подарком сыну? — напоминаю о планах.

Сегодня мы должны выбрать подарок для Стёпы и его невесты. Дорогой набор посуды или что-то для будущего домашнего очага. Символично, но чтобы от всей души. Я даже уже нашла пару довольно дорогих вариантов в ТЦ неподалеку.

— Да, я внизу. На парковке, — его голос звучит странно. Напряженно. Не то чтобы устало... Скорее отстраненно. Как будто его мысли за миллион километров от этой парковки, от меня, от нашего общего дела.

— Всё в порядке? — спрашиваю, уже направляясь к лифту.

— Д-да, — запинаясь он. — Выходи.

Лифт плавно спускается. Я ловлю свое отражение в полированных стенах. Строгий костюм, собранные волосы, прямой взгляд. Алёна, у которой всё под контролем.

Захожу в отдел кадров, чтобы сдать подписанный контракт.

— Алёна! Поздравляем! Ещё одна победа на твоём счету! Говорят, ты там просто разорвала всех! — с торжествующей улыбкой выдает начальница отдела кадров.

— Спасибо, девочки, — киваю, оставляя папку на стойке.

Рядом стоит молоденькая девушка из бухгалтерии, и смотрит на меня с нескрываемым восхищением.

— Алёна Валерьевна, вы просто супервумен. Вот серьёзно. И карьера, и семья... Говорят, ваш старший сын вот-вот женится?

Я улыбаюсь, автоматически поправляя свое обручальное кольцо на пальце. Скоро и мой сын станет женатым человеком.

— Свадьба в следующем месяце. Подготовка идет полным ходом.

— Ну вот, — вздыхает девушка. — И сына пристроили, можно сказать. Младший, наверное, тоже золотой мальчик. И муж успешный. Идеальная семья. Прямо завидно.

Её слова такие легкие, такие беззаботные. “Идеальная семья”. Они падают в тишину моего внутреннего мира, но вместо привычного теплого чувства удовлетворения я ловлю себя на мысли: “А что, если это не комплимент, а проклятие? Что, если идеальность это просто хрупкая оболочка?”

Внезапно папка с контрактом соскальзывает со стойки. Бумаги с тихим шуршанием рассыпаются по полу.

— Ой! — Марина тут же приседает, чтобы помочь их собрать.

— Всё в порядке, — говорю я, и мой голос звучит чуть выше обычного. — Руки что-то не слушаются. Наверное, после совещания перенервничала... положила их на край и не посмотрела.

— Понимаем, понимаем, — подхватывает Марина, собирая листы. — Ты молодец. Ты этого заслуживаешь.

— Спасибо, — шепчу, подбирая последний лист. Руки и вправду дрожат. Странно. Очень странно.

Выхожу на улицу. Вечерний воздух прохладен и свеж после душного офисного склепа. Нахожу на парковке нашу машину. Тёмный, дорогой внедорожник, о котором так мечтал мой муж. Наш общий “корабль”, как шутил Миша. Сажусь на переднее пассажирское сиденье.

И меня сразу накрывает волна сладкого, приторного запаха. Как от детского шампуня или жвачки. Не нашего запаха. У нас пахнет кофе, кожей и моим парфюмом с нотками сандала.

Миша сидит за рулём и смотрит прямо перед собой. Его профиль кажется вырезанным из камня.

— Привет, — говорю я и наклоняюсь, чтобы поцеловать его в щёку. Он не отстраняется, но его кожа под моими губами холодная. — А я урвала то дело, о котором тебе говорила. Это было что-то невообразимое. Я так перенервничала. А потом... знаешь, нас там только что опять хвалили. Говорят, у нас идеальная семья. Наверное завидуют. Как бы не сглазили, — искренне улыбаюсь я, пристегивая ремень, и его щелчок кажется оглушительно громким в тишине салона. — Почему радио не включаешь? Голова опять болит?

Он не отвечает. Заводит двигатель. Рычание мотора заглушает тишину.

— Миш? — кладу руку ему на плечо.

Он вздрагивает. Небольшое, почти незаметное движение, но я его чувствую каждой клеткой кожи. Потом он медленно, очень аккуратно, как будто моя рука — это что-то грязное или горячее, снимает её.

— Алёна, — говорит он. И в этом звуке моего имени не любовь, не раздражение, а что-то новое. Предостережение. Усталое отчаяние. — Давай не сейчас.

Я отвожу руку, чувствуя, как по спине бегут мурашки.

— Ты чего? — мой голос звучит глупо, по-детски обиженно.

Он не смотрит на меня. Сжимает губы так сильно, что они белеют. Его пальцы впиваются в руль.

— Прекрати, — говорит он уже более грозно. Но эта угроза не направлена на меня. Она бушует внутри него.

Я ничего не понимаю. Это не похоже на обычную усталость или ссору.

— Что случилось? — спрашиваю я уже тише, почти шепотом. — Не хочешь ехать за подарком?

Он делает тяжелый, шумный вдох, будто готовится нырнуть на глубину. Потом, не поворачивая головы, говорит медленно, отчеканивая каждое слово:

— Обернись назад. И познакомься.

Время замедляется. Звук улицы за окном превращается в сплошной гул. Сладкий запах в машине становится удушающим. Механически, я поворачиваю голову.

На заднем сиденье, за моей спиной, сидит мальчик. Лет пяти. Он в наушниках, а его глаза уткнулись в яркий планшет. Его светлые волосы падают на лоб. Он кажется погруженным в свой мультфильм, не обращающим на нас ни малейшего внимания.

Сердце в груди замирает, а потом срывается в бешеную, рваную скачку. В ушах стучит кровь.

— Это... кто? — мой собственный голос доносится до меня из-под толщи воды.

Миша наконец поворачивается ко мне. Его глаза, которые я знала двадцать лет, в которых читала любовь, усталость, злость, радость, теперь просто два куска темного льда. В них нет оправданий. Только факт.

— Это мой сын, — говорит он без колебаний. И добавляет, перерезая последнюю ниточку, на которой ещё держался мой старый мир. — И теперь он вынужден жить с нами.

Глава 2

Алена

В ушах белый шум. В ноздрях сладкий, тошнотворный запах. И этот мальчик. Он шевелит губами, повторяя что-то за персонажем на экране.

— Алёна, — голос Миши пробивается сквозь гул. Он звучит сухо, по-деловому. — Давай сейчас без скандалов. Не при ребёнке. Он не виноват.

“Не при ребёнке”.

“Он не виноват”.

Каждое слово — приговор. Скандал? У меня нет воздуха для скандала. Во мне просто выжгли всё дотла, оставив пепелище, с которого сейчас поднимается ледяной, чёрный дым.

Мои пальцы находят ручку двери. Двигаются сами, автономно. Щёлк. Ремень крепко фиксирует меня на месте. Отстегиваю. Выхожу на улицу. Ноги слегка подрагивают. Холодный вечерний воздух врывается в салон, смывая сладость, но неся с собой эту суровую реальность.

— Выйди, — говорю я и не узнаю свой голос. Он больше похож на плоский, металлический звук.

Он замирает на секунду. Смотрит на меня, потом краем глаза на мальчика на заднем сиденье. Я вижу, как в его глазах щелкают расчеты. Где меньше потерь, как избежать сцены здесь и сейчас. Он нехотя отстегивает ремень. Его движения медленные, неохотные. Он обходит машину, и его тень под уличным фонарем кажется огромной, чужой.

Он останавливается передо мной на тротуаре. Между нами меньше метра, и это расстояние кажется пропастью. Я поднимаю взгляд на его лицо. Ищу панику, вину, растерянность, дикое сожаление. Всё, что могло бы хоть как-то оправдать этот ад.

Но его лицо выражает лишь напряженное недовольство. Губы сжаты, брови слегка сдвинуты. Он выглядит так, будто я заставила его выйти посреди ливня без зонта, а не он только что обрушил мне на голову целое небо. В его глазах нет раскаяния. Там есть раздражение. Усталость от “проблемы”. От меня.

И этот взгляд, наконец, пробивает онемение. Из пепелища вырывается первое живое пламя. Ярость. Такая чистая и острая, что я чувствую её на языке, как привкус меди.

— Что это значит, Миша? — шиплю я, чтобы не кричать. Голос дрожит, но не от слез. От бешенства. — Что значит, твой сын? Как у тебя вообще хватило ума... привезти его сюда? Посадить к нам в машину? Чтобы я узнала вот так? Ты вообще соображаешь, что делаешь? Это не смешно.

— Алёна, успокойся, пожалуйста, — говорит он сквозь зубы. Бросает быстрый, оценивающий взгляд на окна ближайших домов, на мой офис. Соседи. Коллеги. Все видят. Ему стыдно. Стыдно не за ложь, а за возможную публичную сцену. — Успокойся, Ален.

— Успокоиться?! — мой шёпот срывается на хриплый, низкий крик. Я не кричала так никогда. Ни на него, ни на детей. — У нас в машине. В НАШЕЙ машине сидит твой ребёнок от другой женщины! О котором я НИЧЕГО НЕ ЗНАЛА! Как я должна успокоиться?!

— Я тебе всё объясню, но не здесь! — его голос тоже повышается. В нем прорывается знакомый, командный тон. Тон, которым он руководит на совещаниях. Тон, который раньше казался мне признаком силы. Теперь он плевок в душу.

— Он нас услышит! Он всё понимает!

— Пусть слышит! — я делаю шаг вперёд, и он инстинктивно отступает. Меня это безумно радует. — Пусть знает, в какую ложь его втянули! Пусть знает, что у его идеального папы есть другая, обманутая семья! Ты думаешь только о нём? А о нас? О Стёпе? Об Илье? Они тебе что, не дети?!

Его лицо искажается. Не от боли. От злости, что я выхожу из-под контроля.

— Не смей приплетать их сюда! Это совсем другое!

— Что другое? Что может быть ДРУГОЕ, Миша?! У тебя двойная жизнь! Ты... ты..., — слова рвутся клубами пара на морозном воздухе. Я не могу подобрать слово, которое вместило бы всю мерзость его поступка. Предатель? Лжец? Мерзавец? Всё мелко. Всё не то.

Я отшатываюсь от него. От этого человека с чужим лицом.

— Знаешь что? Забирай своего сына. Вези куда хочешь. Я лучше пойду пешком.

Я резко разворачиваюсь и делаю первый шаг по тротуару. Ноги ватные, но несут меня вперед.

— Ты с ума сошла? — его голос гремит мне вслед. — Куда ты собралась пешком? На улице мороз! Садись в машину, прекрати этот цирк!

Я не оборачиваюсь. Иду быстрее. Каблуки отчаянно цокают по асфальту, нарушая вечернюю тишину. Холод сквозь тонкую ткань брюк, кажется, пробирает до костей.

— Лучше в мороз, — бросаю я через плечо, и слова застывают в воздухе ледяными сосульками, — чем в одной машине с твоим ребенком, который сидит на заднем сиденье.

Сзади хлопает дверь. Злой, резкий звук. Через мгновение слышу рёв мотора. Фары выхватывают из темноты мой силуэт. Машина медленно проезжает мимо, почти касаясь меня зеркалом. За окном его профиль. Напряженный, отвернувшийся. На заднем сиденье маленький, светлый силуэт, всё так же уткнувшийся в экран.

Они скрываются за поворотом. Я остаюсь одна. Тишина наваливается на меня оглушительной пустотой. И только тогда в ней начинают звучать голоса. Не его. Другие.

“Алёна, ты просто супервумен. Карьера, семья...”

“И сына пристроили!”

“Прямо завидно”.

“Успешный муж. Идеальная семья”.

Каждое слово, каждый восхищенный взгляд коллег, подруг, родственников... всё это сейчас превращается в тысячи острых осколков. Они вонзаются не в гордость, а в самое нутро.

Идеальная. Они считали мою жизнь идеальной. А я сама верила в этот мираж. Носила его, как дорогое, отутюженное платье. А под ним оказалась гниющая, страшная рана, которую мой муж скрывал и лелеял все эти годы.

От “идеальной семьи” теперь остался только морозный воздух, обжигающий легкие, и ноющая, тупая боль где-то в районе солнечного сплетения. Боль, от которой нет таблеток. Боль от крушения не просто брака. От крушения всей своей правды. Всех двадцати лет.

Я иду, не зная куда. Просто иду, пытаюсь убежать от сладкого запаха в салоне, от его лица без раскаяния, от этих пятилетних глаз, которые навсегда стали частью моего кошмара.

Визуализация Алены

Мои прекрасные! Рада видеть вас в своей новой истории!
 Буду безумно вам благодарна, если вы порадуете меня звездочкой и добавите книгу в библиотеку. А за комментарий и подписку на автора я буду на седьмом небе от счастья. Всех обнимаю ##

Представляю вашему вниманию нашу Алену. Думаю, ее муж еще ни раз пожалеет о том, что сотворил, учитывая ее профессию))

Визуализация Миши

А вот и наш "прекрасный" муж. Да-да. Он еще не знает, что его ждет. Как там говорят? Не злите женщину. Она в гневе страшна? Будем наблюдать за тем, что же ждет нашего Михаила)))

Глава 3

Алена

Холодный ветер бьет в лицо, и я наконец останавливаюсь, переводя дух. Передо мной слепящее огнями здание торгового центра. “Семейный”, кажется, называется. Ирония судьбы такая тупая и такая злая, что я издаю короткий, сдавленный звук похожий не то на смешок, не то на стон.

Мой мозг, этот предатель, отказывается концентрироваться на крахе вселенной. Вместо этого он методично, как заевшая пластинка, выдаёт:

“Подарок для Стёпы. Подарок для Стёпы. У него свадьба. Это главное, чем крах собственной жизни. У него еще все впереди”.

Я уже присмотрела ему набор дорогой посуды. Он будет нужен. В их новой, полупустой квартире, которую они только начинают обустраивать. А набор, который я присмотрела. Он на всю жизнь. Ну, или как минимум он прослужит довольно долго.

На всю жизнь. Фраза обжигает изнутри. Я стою под ледяным ветром и думаю о подарке на свадьбу сыну, в то время как мой собственный брак только что разбился вдребезги у меня на глазах. Какая-то извращённая, клиническая нормальность.

— С вами всё в порядке?

Голос мужской, спокойный, с легкой озабоченностью. Я медленно поворачиваю голову. Рядом стоит незнакомец, лет сорока, в темном пальто, без шапки. Взгляд тёмных глаз внимательный, но без навязчивости.

— Простите? — говорю я, и мой голос звучит сипло, будто я долго кричала. А я, кажется, и правда кричала.

— Вы плачете, — говорит он просто.

Я автоматически снимаю перчатку, подношу руку к щеке. Кожа влажная и ледяная. И правда. Плачу. Я даже не заметила. Слёзы текли сами, смешиваясь с колючим ветром.

— Всё в порядке, — бормочу я, вытирая щеку тыльной стороной ладони. — Это из-за холодного ветра. У меня такое иногда случается.

Он смотрит на меня секунду, и в уголках его глаз появляются лучики морщинок. Не от смеха. От какой-то... понимающей усталости. Он улыбается. Теплой, короткой улыбкой.

— Тогда вы берегите себя, — говорит он мягко. И добавляет, слегка склонив голову. — От такого ветра. Он не стоит ваших слез.

От этой простой, немой заботы постороннего человека что-то сжимается у меня в горле. Киваю, не в силах выговорить спасибо. Он делает шаг назад, давая мне пространство, и уходит, растворяясь в вечернем потоке людей.

Этот крошечный, бессмысленный акт человечности почему-то бьет сильнее всего. Потому что в нём больше тепла, чем во взгляде мужа, с которым я прожила двадцать лет.

Я заставляю себя зайти внутрь. Тепло, музыка, запах кофе и выпечки. Идеальный мир потребления для идеальных семей. Я бреду, не видя лиц. Мой внутренний взгляд устремлен внутрь, в тот ад, что разверзся в груди. Он горит холодным, синим пламенем стыда и боли.

Как сказать детям?

Острая и неизбежная мысль вонзается в сознание.

Стёпа. У него свадьба через месяц. Он строит свою жизнь, свою семью, глядя на нас. На наш, как он думал, прочный союз. Что будет с ним, когда он узнает?

Он встанет на мою сторону, я почти уверена. Но эта уверенность отравлена страхом.

А если он... усомнится? Не в фактах, а во всём. В любви. В верности. А если этот удар заставит его отложить свадьбу? Задуматься: “А стоит ли? Если даже у таких, как родители, всё

может быть ложью?” Я ломаю его веру не только в отца, но и в будущее. Я стану соучастницей этого крушения.

И Илья. Шестнадцать лет. Отец для него — герой, друг, пример. Он защитит его. Он будет ненавидеть меня за то, что я разрушила идиллию. За то, что я заставлю его выбирать с кем он будет жить после развода. Я потеряю сына. Возможно, навсегда.

Я прихожу в отдел посуды. Передо мной стеллажи с гладкой эмалью, блестящими наборами, из идеальной керамики.

“На всю жизнь”.

Я указываю на самый дорогой набор, не глядя. Консультант, улыбаясь, что-то говорит про долговечность, про то, что это отличное вложение в семейное счастье.

Мне протягивают тяжёлую, красивую коробку. Я беру её. И вижу, как мои руки дрожат. Дрожат так, что картонная упаковка шуршит, выдавая мою немую истерику. Консультант замечает. Его улыбка тускнеет, сменяется мимолетным беспокойством.

— Всё хорошо? — спрашивает он. — Может, вам нужна помощь?

— Нет, спасибо. Просто холодно, — говорю я второй раз за вечер, прижимая коробку к груди, как щит, и быстрым шагом иду к кассе.

Вызываю себе такси. Ехать с тяжелой коробкой в автобусе, да еще и в тонких брюках, совершенно не хочется.

Машина подъезжает. Я сажусь на заднее сиденье, прижав к коленям коробку с тяжеленным подарком. Смотрю в темное окно на мелькающие огни. Они плывут, расплываются в мокрых полосах. Я не вытираю слезы. Пусть текут. Пока никто не видит я могу позволить себе эту слабость.

Ключ поворачивается в замке с привычным щелчком. Я вхожу в прихожую нашего дома. Тепло, пахнет чем-то вкусным. Вероятно, Миша, как всегда, заранее заказал ужин. В животе урчит, но уже в следующую секунду его сводит в тугом спазме.

Я слышу голоса. Детские. Два голоса.

Один ломающийся, повышенный, взволнованный. Илья.

Второй тонкий, незнакомый.

Нет. Он не мог так поступить. Миша не мог же всерьёз привезти этого ребенка в наш дом. Это было бы слишком подло. Слишком цинично.

Я замираю, не снимая пальто. Сердце замирает вместе со мной, а потом начинает колотиться где-то в горле.

Из гостиной доносится взрыв смеха. Это смех Ильи. Такой родной, такой открытый. И визгливый, счастливый смех ребёнка.

Я делаю шаг. Ещё один. Коробка с посудой тяжело ложится на консоль у зеркала.

И я вижу их.

В центре гостиной, на дорогом ковре, который мы выбирали вместе с мужем, чтобы детям было тепло играть, стоит детская машинная трасса. Трасса, которую я купила Илье, когда ему было десять. Он ее сохранил. Когда я предложила отдать ее, он напрочь отказался, и теперь он играет в нее вместе с ним. С ребенком, который уничтожил нашу семью.

Илья. Мой младший сын. Его лицо раскраснелось от азарта, он что-то оживленно объясняет.

И этот мальчик. Тот самый. Он смотрит на Илью широко раскрытыми восторженными глазами, держа в руках маленькую гоночную машинку. Он что-то спрашивает, и Илья, смеясь, поправляет его руку.

Миша стоит у окна, лицом ко мне. Он с улыбкой наблюдает за этой сценой. Его плечи неестественно прямые.

Наш младший сын играет с его внебрачным ребенком.

В нашем доме, в нашей гостиной, на нашем ковре.

Я смотрю на эту картину и слова застревают в горле. Моя жизнь.
Она не просто рухнула. Она была мгновенно, цинично и бесцеремонно захвачена.

Глава 4

Алена

Я застываю в дверном проеме. Коробка с дорогой посудой... с этим символом “семейного счастья на всю жизнь” давит на консоль, будто хочет провалиться сквозь нее. Но я ее уже не вижу.

Я вижу только их. Два согнутых мальчишеских силуэта над трассой. Наш сын. И... его сын.

Боль — это слишком простое слово. То, что происходит внутри меня, не имеет названия. Это ощущение, будто все органы в груди взяли и медленно, с хрустом, вывернули наизнанку. Потом взяли ледяные щипцы и начали это месиво рвать на куски. На длинные, окровавленные полосы. В ушах только этот внутренний, неслышный визг разрываемой плоти. Не просто плоти. Моей жизни.

Я не могу пошевелиться. Меня сдавливает паралич. Полный, леденящий. Я смотрю на них, как на экран, на котором показывают фильм ужасов про мое собственное существование.

— Илья..., — имя срывается с губ хриплым, нечеловеческим шёпотом. Это даже не шепот, а выдох умирающего. — Ты... ты...

Илья нехотя отрывается от игры. Поднимает голову. Его лицо открытое, радостное, немного вспотевшее от увлечения. В глазах тот самый блеск азарта и счастья, который я видела тысячи раз, когда он был маленьким и собирал лего, или когда папа учил его, как управляться с инструментами.

— Мам! Привет! Гляди, что я достал из кладовки! Супер-трек! А ты все ходила и причитала, что от него надо избавиться.

Он говорит это так естественно. Как будто ничего не произошло. Как будто этот пятилетний мальчик на нашем ковре не чудовищная аномалия, а... подарок на день рождения.

Миша отступает от окна на пару шагов. Его лицо напряженное, но в нём читается какое-то... облегчение? Да. Облегчение, что контакт между детьми установлен. Что бомба, которую он принёс в дом, не взорвалась мгновенно. Он смотрит на меня предостерегающе.

— Алёна, не устраивай сцен, — говорит он тихо, но властно. Тон, не терпящий возражений. Как было всегда, когда в его голову взбрело что-то, от чего он не готов отказаться. — Я всё объяснил Илье. Он в курсе ситуации. Он знает, что Кирилл останется пока пожить у нас. И, в отличие от тебя, он принял всё спокойно и по-взрослому.

Эти слова. “В отличие от тебя”. “По-взрослому”. Они как еще одна игла, которую вонзают в моё вывернутое нутро. Он ставит мне в вину мою боль. А его, цинизм и ложь, выставляет как “взросление”.

Я не могу отвести взгляд от Ильи. От его ясных, понимающих глаз. Вот только понимает он здесь не меня. А отца. Этого ребенка на нашем ковре.

— Илья... как ты..., — я не могу сформулировать вопрос. Как ты можешь с ним играть? Как ты можешь смотреть на отца? Как твой мир не рухнул?

Мой сын пожимает плечами. На его лице легкое недоумение от моей “неадекватной” реакции.

— Мам, да ладно тебе, — говорит он, и в его голосе звучит откровенное простодушие. — Я же всегда говорил тебе, что хочу младшего брата или сестру. Ну так... папа постарался. Считаю, сразу, без пеленок и криков. Готовый братик, с которым можно вернуться в детство.

Он произносит это на полном серьёзе. С лёгкой, мальчишеской завистью к отцу, который “постарался” и “купил” ему готового компаньона для игр. В его системе координат нет измены, нет лжи длиной в годы, нет предательства матери. Есть крутой папа, который неожиданно исполнил его детскую мечту.

Во мне что-то окончательно ломается. Не рвётся, а именно ломается, с сухим, внутренним треском. Шок сменяется чем-то более страшным. Полной, абсолютной потерей почвы под ногами. Я боролась с врагом, с предателем. А оказалось, что часть моего мира, мой собственный сын, уже перешел на его сторону. Не из злого умысла. Из простодушного эгоизма и обожания к отцу.

— Илья, — пытаюсь я снова, и голос звучит хрипло. — Это не... Это не просто братик. О чем ты говоришь? Как ты вообще можешь мыслить подобным образом? Тебе что, пять лет? Ты не знаешь, откуда берутся дети? У твоего отца есть другая..., — предпринимаю я еще одну попытку достучаться до собственного сына.

— Алёна! — голос Миши гремит, резко обрывая меня на полуслове. Он делает шаг вперед. Его тело встаёт как щит между мной и Ильей. — Хватит. Всё уже сказано. Ребенок устал, его нужно накормить и уложить спать. Илья, помоги Кириллу помыть руки.

Илья, колебавшись всего долю секунды, бросает на меня один короткий, непонятный взгляд. В нём смесь неловкости и лёгкого раздражения.

— Ну что ты начинаешь, мам? — он протягивает руку маленькому мальчику. — Он же уже есть.

— Илья...

— Мам, хватит, — его голос становится серьезным. — Пошли, командир, помоем твои руки перед ужином, — обращается он уже к этому ребенку и что-то мне подсказывает, что это не первая их встреча.

Кирилл доверчиво вкладывает свою маленькую ладонь в руку моего сына. Они уходят в сторону кухни, и я слышу, как Илья что-то оживленно рассказывает про мыло в виде машинки.

Я остаюсь здесь одна. В полном шоке. С комом в горле и мыслями, которые отказываются проникать в сознание.

Вернее, я остаюсь с ним. С человеком, который только что продемонстрировал мне новую реальность. Он не просто украл моё прошлое. Он уже переписывает моё настоящее. И, судя по всему, готов украсть и будущее. По кусочку, через доверчивое сердце моего ребёнка.

Он смотрит на меня. В его глазах нет извинений. Есть усталое превосходство человека, который провернул сложный маневр и вышел сухим из воды.

— Видишь? — говорит он тихо. — Всё можно решить цивилизованно. Без истерик. Илья всё понял. Он принял ситуацию. Привыкнешь и ты. Просто тебе надо чуть больше времени.

“Привыкнешь”.

Это слово повисает в воздухе между нами, самое страшное за весь вечер. Не “прости”. Не “давай разберёмся”.

“Привыкнешь”. Как к новой мебели. К новому питомцу. К новой, уродливой правде твоей жизни.

Я смотрю на него. И впервые за двадцать лет вижу не мужа, не отца своих детей, а постороннего, опасного мужчину, который живёт в моём доме. И которого я, кажется, совсем не знаю.

Глава 5

Алена

Дверь в спальню закрывается с тихим, но окончательным щелчком. Я прислоняюсь к стене спиной, как будто она может защитить. Тело бьет мелкая, неконтролируемая дрожь, будто внутри меня работает с десяток отбойных молотков. Я не знаю, куда себя деть. Некуда.

Этот дом, эта комната, этот запах его одежды в шкафу — всё заражено. Я зажмуриваюсь, но вижу их. Илью, сияющего от счастья, и этого ребёнка на нашем ковре.

Шаги за дверью тяжелые, размеренные. Миша входит в комнату. Не стучит. Просто входит, как в свою собственность. Что, впрочем, так и есть. Но не в свою, а в нашу. В нашу квартиру, которую я считала своим домом.

— Алён, — начинает он, и его голос пытается быть спокойным, убедительным. Он останавливается в паре метров от меня, не приближаясь. — Успокойся. Это ненадолго. Его мать... у неё проблемы. Ей нужно пройти лечение. Там операция. Сложная. Месяц, максимум два. Ну, если совсем край, то три. Потом он переедет обратно к ней. Это просто вынужденная мера.

Я медленно поворачиваюсь к нему. Дрожь сменяется ледяной, неподвижной тяжестью.

— Переедете обратно? И что это изменит, Миша? — мой голос звучит плоским, безжизненным эхом. — У тебя есть ребёнок. Ребёнок на стороне. Ничего не изменит, где он будет жить неделю, месяц или год. Он уже есть. Ты это понимаешь? Он есть. Живой. В нашей квартире. И это ты притащил его сюда.

Он делает шаг вперед, его лицо искажает что-то похожее на искреннее желание убедить меня в обратном.

— Он уедет, и мы просто... сделаем вид, что его не было. Забудем этот эпизод. И всё будет как прежде.

Я смотрю на него, и во рту появляется горький привкус. Нервный смехок рвётся наружу. Короткий, сдавленный, как треск сухой ветки.

— Как прежде? Ты слышишь себя? “Забудем этот эпизод”. Ребёнок — это не эпизод, Миша! Это человек! Ты предлагаешь мне... что? Притворяться, что я не вижу его за завтраком? Что ты не уезжаешь к нему по выходным? Это бред! Как такое вообще можно забыть?!

— Алёна, я люблю тебя! — вырывается у него, и в голосе прорывается знакомое, горячее упрямство. То, что раньше казалось страстью, сейчас лишь еще один удар по больному месту. — Я не хочу терять нашу семью. Тебя. наших детей.

Его слова раскаленной иглой входят прямо в грудь.

— Любишь? — переспрашиваю я, не в силах сдержать нервный смех. — А его мать, ты тоже любишь? Раз она родила от тебя ребёнка. Только не говори, что это было один раз. Что случайность. Что так получилось. Не получилось. Ты не ребенок и знаешь откуда берутся дети.

Его лицо краснеет. Он отводит взгляд.

— Нет. Это была... не ошибка. Скорее глупость. Не знаю. Может и не глупость. Но это не исправить.

— Скажи, что он не твой, — вдруг выдыхаю я, и сама ненавижу себя за эту слабость. За эту последнюю, жалкую надежду. — Скажи, что всё это чудовищное недоразумение. Что ты просто помогаешь какой-нибудь знакомой, коллеге, соседке. Не знаю. Просто скажи, что ты пошутил.

Он замирает. Молчание тянется вечностью. Потом он поднимает на меня глаза. В них нет лжи. Есть только тяжёлая, неудобная правда.

— Он мой сын, Алёна. Правда, мой.

Мир сужается до точки. До этой фразы. Всё. Обратного пути нет. Точка невозврата пройдена.

— Ты уверен?

— Да. Я...я даже делал тест ДНК. Для себя. Я лично ходил с ним в клинику. И я... я хотел его. Прости, но я не хочу от него отказываться. Он для меня такой же ребенок, как Степа или Илья. Он мой сын.

Воздух выходит из лёгких разом. Я хватаюсь за спинку кровати, чтобы не упасть.

— То есть ты..., — я не могу договорить. Мозг отказывается складывать картинку. — Ты не только изменял. Ты не только скрывал. Ты ещё и проверял. Убеждался. И всё это время... всё это время ты знал. И жил с нами. Целовал меня. Говорил, что любишь. О, Боже. Как такое вообще возможно? Это же абсурд! Это клиника, Миша!

— Алена, хватит! — его терпение лопается. Спокойствие слетает, как маска.

— Немедленно найди ему другое место, — мой голос решительный, полный уверенности и стали. — Он не останется в нашем доме. Не в качестве твоего сына, не в качестве бастарда. Он не будет здесь жить ни в какой роли.

— И куда ты предлагаешь мне его отправить? В детдом? Он мой сын! У тебя вообще есть сердце? Ты бессердечная эгоистка! Ты не понимаешь моего отцовского долга!

Его крик поднимает меня “с колен”. Холод внутри вспыхивает белым, ясным пламенем гнева.

— Мой долг, — говорю я, и голос теперь опасный, колючий, — Мой долг, не меньше твоего. Я должна защищать свой дом! Своих детей! От цирка, который ты устроил! От этой лжи, которую ты теперь втащил сюда! Илья... возможно, он еще не осознал. Он хоть и подросток, но еще ребёнок, которого ты обманул! А я не буду делать вид, что всё в порядке! Не буду! Забирай своего ребенка и убирайся отсюда!

— С тобой невозможно разговаривать! — он выкрикивает это в ярости, его лицо искажено. Он больше не пытается быть разумным. Это тот самый Миша, который не терпит, когда его планы рушатся. — Ты всегда должна все контролировать! Всегда только твоя правда! Ты не способна понять ничего, что выходит за рамки твоего мира! — орет он так, что по телу пробегает легкая дрожь. — Он останется здесь. Ты поняла меня? У тебя нет никаких прав, чтобы выставлять меня из дома. Это квартира моя, такая же, как и твоя. И если я его привел, то он останется здесь. Или попробуешь вытолкать нас силой?

— Если потребуется, то попробую, — смотрю ему прямо в глаза, отказываясь отступать.

— Можешь не пытаться. Тебе ли не знать законы? Я имею право здесь находиться.

Он резко разворачивается и выходит, хлопнув дверью так, что дрожит рамка с нашей свадебной фотографией на тумбочке. Я слышу его тяжелые шаги по коридору. Знакомый, гулкий топот его злости. Всегда такой. Когда мы ссорились из-за работы, из-за детей. Но теперь этот звук не часть семейной жизни.

Я остаюсь одна в тишине. Дрожь вернулась. Я опускаюсь на кровать, обхватываю себя руками. В голове крутятся обрывки мыслей.

Я привыкла слышать про разводы. Видеть слёзы. Слушать истории об изменах, о двойных жизнях.

До сегодняшнего дня они не вызывали у меня ничего, кроме профессионального азарта и холодного анализа. Факты, доказательства, выгода клиента.

Но сейчас...

Боже, как же все мои клиентки с этим справляются? Когда вот так. Когда земля уходит из-под ног. Когда твоя привычная жизнь, твой воздух, твоя кровать, всё вдруг становится чужим и враждебным. Как они дышат? Как они не сходят с ума?

Слёзы наконец прорываются. Я плачу не из-за него. Я плачу из-за себя. Из-за той Алёны, которая умерла сегодня вечером в нашей машине, и которая теперь должна как-то существовать в этом новом, кошмарном мире. Я вытираю слёзы ладонями, оставляя на коже соляные полосы. Ложусь на спину, уставившись в потолок. В голове гул, как после взрыва.

Нужно уснуть. Нужно, чтобы этот день поскорее закончился. Может быть, утром всё окажется сном. Я переворачиваюсь на бок, лицом к окну. В темноте за стеклом отражается бледное пятно моего лица.

Не знаю, сколько я так лежу. Час. Два. Три. Я почти начинаю проваливаться в тяжёлое забытие, когда слышу, как дверь тихо открывается.

Сердце замирает, а потом начинает биться с такой силой, что я чувствую пульсацию в висках. Шаги. Тихие, осторожные. Миша. Он подходит к кровати. Я не двигаюсь, притворяюсь спящей. Не хочу разговоров. Не хочу слышать его голос.

Матрас сдаётся под его весом с тихим, знакомым скрипом. Он ложится рядом. Пространство кровати, наше общее пространство, внезапно становится пыткой. Я чувствую тепло его тела в нескольких сантиметрах от моей спины. Чувствую, как одеяло натягивается. Слышу его дыхание.

И это причиняет самую острую, самую невыносимую боль за весь вечер. Хуже, чем его слова. Хуже, чем вид Ильи с тем мальчиком. Это привычное, бытовое действие. Лечь рядом в нашу постель. Оно теперь самое чудовищное надругательство. Потому что между нами лежит не просто невысказанное. Между нами лежит целый чужой мир, который он построил за моей спиной.

Я лежу неподвижно, стиснув зубы, глотая ком в горле и размышляя над тем, как мне быть дальше. Как заставить его уйти. Навсегда.
И понимаю, что заснуть не смогу. Пока он лежит здесь. Пока он находится в нашем доме, дыша своим ровным, спокойным дыханием предателя, который уверен, что всё “уладил”.

Глава 6

Алена

Утро не приносит облегчения. Оно приносит ту же самую картину, только залитую безжалостным зимним солнцем, которое льется в кухню, делая каждый фальшивый жест особенно отчетливым.

Я стою у кофемашины, пытаюсь заставить дрожащие пальцы вставить капсулу. Нужен кофе. Очень крепкий. Чтобы прожечь этот комок ваты и льда, что застрял в горле с прошлого вечера. Спала я, кажется, всего несколько минут. Всю ночь я лежала на краю кровати, застывшая, как статуя и слушала, как он дышит. Как дышит моя прежняя жизнь, находящаяся в коме.

Из гостиной доносится детский смех и топот маленьких ног. Потом шаги. Миша входит на кухню одетый, но без пиджака. На лице выражение делового, немного напряженного спокойствия.

— Алён, ты уже встала? Н, и хорошо. Приготовь, пожалуйста, завтрак для Кирилла. Что-нибудь простое. Кашу или омлет. Он не привередливый.

Он говорит это так, будто просит передать соль. Будто вчерашнего взрыва не было. Будто этот ребёнок, этот Кирилл, просто гость, племянник, которого нужно накормить.

Я медленно поворачиваюсь к нему. Кофе в чашке слегка колыхнется. Я смотрю на него, и внутри всё замирает еще больше. Становится абсолютно гладким, холодным и твердым, как лёд на реке.

— Ты ничего не перепутал? Я вроде четко дала тебе понять, что не хочу видеть его в нашем доме.

— Алён, он ребенок. Давай ты не будешь перегибать палку.

— Мне все равно, кто он. Я сказала, что не хочу его здесь видеть. И я не его мать, чтобы готовить ему завтраки, — говорю я, и голос звучит ровно. — И не его нянька. Готовь ему сам, раз в тебе внезапно разыгрались отцовские чувства.

Его лицо меняется. Деловая маска сползает, обнажая раздражение, которое быстро перерастает в знакомую, кипящую ярость.

— Ты сейчас серьезно? Нашла время показывать свой характер! Ребёнку нужно поесть! Неужели тебе так сложно приготовить ему завтрак?

— Мне сложно. Мне даже смотреть в его сторону сложно, если ты еще этого не понял. И у него есть отец, — парирую я, не отводя взгляда. — Который, судя по всему, отлично справлялся с этим последние пять лет где-то на стороне. Пусть и дальше справляется.

Он что-то бормочет сквозь зубы, швыряет полотенце на стойку и начинает лихорадочно рыться в шкафах. Достает сковороду, яйца, молоко. Я остаюсь на своём месте, пью кофе и наблюдаю за этой суетой. За этой... инсценировкой.

Через минуту в кухню вбегает Кирилл. В пижаме с машинками. Он смотрит на Мишу широкими глазами.

— Пап, а что ты делаешь?

— Готовлю тебе омлетик, сынок! — голос Миши неестественно бодрый, почти пафосный. Он поднимает мальчика и сажает на высокий стул у барной стойки. — Вот смотри, сейчас будет вкусно!

Я вижу эту картину. Отец, суетящийся у плиты, и маленький сын, с восторгом наблюдающий за ним. Ложная идиллия. Фальшивка, от которой сводит желудок. Меня начинает тошнить. Буквально. Горькая слюна подкатывает к горлу. Я отворачиваюсь к окну, делаю глоток кофе, но он не лезет.

Я слышу, как он что-то шепчет мальчику, как тот смеется. Слышу, как на кухне пахнет теперь не кофе, а маслом и этой их общей, сладкой ложью. И единственное желание, которое у

меня возникает, это вышвырнуть их обоих за дверь, но Миша прав. Прав в том, что я не имею на это право. И я прекрасно это знаю.

Я ставлю недопитую чашку в раковину с таким звоном, что Миша оборачивается. Руки непроизвольно сжимаются в кулаки.

— Слушай меня внимательно, — говорю я, подходя к нему. Не близко. На безопасном расстоянии. Но так, чтобы он видел моё лицо. Оно, наверное, белое, как бумага. — Ты должен немедленно съехать. Взять этого... этого... ребенка и съехать. Ясно тебе? Я не собираюсь жить с ним под одной крышей. Ни дня. Ни часа.

Он замирает с лопаткой в руке. В его глазах вспыхивает огонь.

— Это мой дом, Алена! Куда я съеду?

— Хочешь заботиться о нём, пока его мать в больнице? Прекрасно. Едь к ним в квартиру. Они же не на улице жили все это время? У них был дом. Крыша над головой. Да хоть сарай. Живите там. Ухаживай за ним. Играй в счастливого отца. Но чтобы к вечеру его здесь не было. И тебя вместе с ним. Ясно тебе? — предпринимая я еще одну попытку выставить его из квартиры.

Он бросает лопатку на сковороду с таким треском, что мальчик на стуле вздрагивает.

— Ты с ума сошла?! Я не брошу сына одного в пустой квартире!

— Не одного, а в твоей прекрасной компании.

— Я не могу там жить. Это слишком далеко от работы. Мне неудобно будет возить его в садик, а потом возвращать его обратно. И прекрати эти разговоры в его присутствии. Он все понимает!

— А это не мои проблемы, Миша. Пусть я буду злой ведьмой, но я не буду стелиться перед ним. Да, он ребенок. Да, он не виноват, но я не стану это терпеть.

— Алена, я сказал, что мне неудобно будет жить в его квартире.

— Тогда найми ему няню на это время! Арендуй апартаменты! Построй ему дворец! Меня это не касается! — мой голос повышается, но это не крик. Это холодный, режущий ультиматум. — Меня касается только то, что происходит в моём доме. А в моём доме ему и тебе места нет.

Мы смотрим друг на друга через кухню. Между нами пар от омлета и непроходимая, враждебная пустота. В его взгляде я вижу понимание. Понимание того, что я не сдамся. Что “привыкнуть” не получится.

— Mam, a c чeгo вдpyг ты вooбщe кpичишь нa пaпy? — pаздaется нaдлoмлeнный гoлoс. Илья. Он стоит в дверях, с наушниками на шее, и смотрит на нас с недоумением и обидой.

Я не отвечаю. Я просто беру свою сумку, папку с документами и иду к выходу. Миша что-то кричит мне вслед, но я не разбираю слов. В ушах шумит кровь.

Надеваю пальто. В зеркале вижу свое отражение. Глаза с темными кругами, стиснутые губы. Женщина, которую я видела вчера утром, была уверенная, собранная. Сейчас она исчезла. Осталась эта.

Я захлопываю дверь, выхожу на улицу. Морозный воздух обжигает лицо. Я иду к машине, но сесть в неё не могу. Там всё ещё пахнет им. Его духами и той детской сладостью.

Я ловлю такси. Сажусь на заднее сиденье, смотрю на знакомые улицы, по которым мы ездили с детьми, ходили гулять. Всё то же. И всё другое.

Я чувствую себя изгнанницей. Не из дома. Из собственной жизни. Там, за той дверью, которую я только что закрыла, теперь живет другая реальность. Чужая семья. А моя, которая была вчера, мертва. И я осталась за бортом. Без сценария, без роли. Просто женщина в такси, которая едет на работу, потому что больше ей ехать некуда.

Глава 7

Алена

Офис. Безопасное, стерильное пространство из стекла, металла и спокойных пастельных тонов. Мой кабинет. Моя крепость. Здесь я, Алёна Валерьевна, грозный и безупречный адвокат. Здесь нет места личным трагедиям.

Но сегодня стены кажутся чужими, а свет от люминесцентных ламп слишком ярким и болезненным. Я пытаюсь сосредоточиться на экране, но буквы пляшут перед глазами.

— Алёна! Ну как, купила подарок? — в кабинет врывается сияющая Ольга из соседнего отдела. Все в курсе подготовки к свадьбе Стёпы. Это было общее, тёплое, семейное событие. — Есть фотографии? Давай показывай. Я полночи не спала, все думала, что ты выберешь со своим безупречным вкусом. Ну же!

Я поднимаю голову. Моё лицо, должно быть, выглядит как маска, потому что ее брови тут же ползут к переносице, пытаюсь найти правду в моих глазах.

— Купила, — отрезаю я. Голос звучит глухо, отстраненно.

Ольга замирает, улыбка медленно сползает с её лица.

— Алён... ты в порядке? Выглядишь...

— В полном, — перебиваю ее слишком резко. — Мусор из дома еще вынесу, и буду в полнейшем порядке.

Фраза повисает в воздухе, тяжелая и ядовитая. Ольга моргает, пытаюсь понять о чем я говорю. Потом растерянно кивает и быстро ретируется, прикрывая за собой дверь. Через стеклянную стену я вижу, как она что-то шепчет коллегам. Как они украдкой, с осторожным любопытством, бросают взгляды в мою сторону. Их шепот, которого я не слышу, грохочет у меня в ушах.

Ко мне подходит Марина, самая старшая и самая смелая. Она присаживается на край моего стола, не вторгаясь в личное пространство.

— Алёна, дорогая, — начинает она мягко. — Что-то случилось? Со свадьбой Стёпы трудности? Или... с Мишей? Если что, мы все тут. Ты же знаешь. Мы же с тобой как семья. Можем чем-то помочь, если нужно.

Ее доброта — последнее, что я могу вынести сейчас. Она ранит, как пощёчина.

— Не можете, — говорю я, возвращая взгляд к монитору. — Спасибо. Прости, у меня через десять минут встреча, нужно подготовиться.

Марина понимающе вздыхает, поглаживает меня по плечу и уходит. Ее прикосновение оставляет на коже ощущение ожога.

Я пытаюсь собрать документы для предстоящей консультации. Папка выскальзывает из рук, бумаги, как и вчера, веером рассыпаются по полу. Я смотрю на этот белый хаос и чувствую, как внутри всё сжимается в тугую, болезненный комок.

Как же это абсурдно, — стучит в висках. Каждый день я выслушиваю подобные истории. Разбираю по косточкам чужие измены, считаю чужие алименты, строю стратегии защиты для чужих жён. И ни разу не дрогнула. А сейчас... сейчас я не могу собраться и понять, что делать. Бред. Полный, клинический бред.

В кабинет, робко постучав, входит моя подопечная, Ирина. Её лицо опухшее от слез, глаза как два больших, несчастных озера. Ее муж, успешный бизнесмен, ушел к молодой ассистентке. История, как под копирку. Та, что я слышала сотни раз.

— Алёна Валерьевна, — всхлипывает она, опускаясь в кресло. — Он... он сказал, что я его не понимаю, что мы отдалились... А эта... эта... Может, мне стоит подождать. Может, он еще одумается и вернется?

Она захлебывается слезами, доставая салфетку из коробочки на моем столе, специально поставленной для таких ситуаций.

Я смотрю на нее. И вижу не клиентку. Я вижу себя. Сегодняшнюю. Вчерашнюю. Вижу ту жалкую, преданную женщину в машине, которую просят “не устраивать сцен”.

Та самая тонкая нить, что ещё держала меня в рамках профессионализма, с треском рвётся.

— Соберитесь! — мой голос раздается слишком громко, слишком резко. Он режет тишину кабинета, как нож. Ирина вздрагивает и замолкает, уставившись на меня в шоке. — Слезами ничего не решишь. Он уже принял решение. Он выбрал ее. Поставил вас в такое положение, из которого у вас есть только один выход. Ваша задача сейчас не рыдать, а думать! О квартире, о счетах, о детях. Вы пришли ко мне за жалостью или за результатом?!

В воздухе повисает гробовая тишина. Ирина смотрит на меня широко раскрыв глаза. В них нет больше доверия. Только страх и растерянность. Я вижу в стеклянном отражении стены своё собственное искаженное лицо. Я не узнаю себя.

Мне плохо. Меня сейчас вырвет прямо здесь.

Я делаю глубокий, судорожный вдох. Закрываю глаза на секунду. Я должна взять себя в руки. Ты же профессионал. Ты не она. Ты её адвокат.

— Простите, — выдыхаю я, и голос уже более ровный, но в нём ещё слышна легкая дрожь. — Это... непрофессионально с моей стороны. Вы пришли за помощью. Давайте... давайте теперь, когда вы немного пришли в себя, обсудим детали. Что у вас на руках из документов?

Мы начинаем говорить. Она, все еще потрясенная, выдает факты. Общий бизнес, две ипотечные квартиры, ребенок-подросток. Я делаю заметки, задаю вопросы. Но мой мозг работает на автопилоте. Каждое сказанное ей предложение: “он сказал, что любит”, “я верила ему”, “как же теперь жить”... Все это отзывается во мне таким оглушительным эхом, что я едва слышу её.

— ...и вот, он говорит, что хочет уйти, оставив мне одну из квартир, но долю в бизнесе он не отдаёт. Он даже слышать про это не хочет, — всхлипывает Ирина. — Это же несправедливо! Я же всё для него...

— Все так, — вдруг вырывается у меня, и я сама пугаюсь этого “все”. Я смотрю на неё и вижу не клиентку, а себя в параллельной вселенной. — Всё так просто. Он разрушил вашу жизнь, а теперь хочет минимизировать потери. Для себя. Вам тоже нужно это продумать. Холодно. Без эмоций. Это же ваша..., — я спотыкаюсь. — Это же моя работа. То есть ваша... стратегия.

Она смотрит на меня с лёгким недоумением.

— Алёна Валерьевна, вы меня вообще слушаете?

— Да-да, конечно, — я трясущей головой, пытаюсь стряхнуть наваждение. — Продолжайте. И так, доля в бизнесе... нам нужно доказать ваш вклад...

Консультация длится еще полчаса. Я выдаю стандартные рекомендации, но чувствую, что каждое мое слово звучит фальшиво, отстраненно. Я не адвокат. Я раненый зверь, который пытается притвориться человеком.

Когда Ирина, все еще смущенная, но уже более собранная, уходит, я остаюсь одна. Через стекло вижу, как Марина и Ольга перешёптываются, бросая на мой кабинет тревожные взгляды. Они видели. Слышали мой срыв.

Я откидываюсь на спинку кресла. В горле ком. Руки снова дрожат.

Я понимаю. Я теряю не только семью. Я теряю профессионализм. Ту самую опору, которая всегда меня держала. Ту стену, за которой можно было спрятаться от любых личных бурь.

Теперь и эта стена дала трещину. И сквозь неё дует ледяной, беспощадный ветер реальности. Моей реальности.

Глава 8

Алена

Такси плавно везет меня по вечерним улицам, но адрес, который я назвала водителю, всё ещё звучит в моей голове странно и неубедительно.

“Улица Ленина, 42”.

Не “домой”.

Я еду к родителям. Понятие “дом” сегодня размылось, растеклось в безликое пятно. Там, в той квартире, где моя жизнь разделилась на “до” и “после”, меня теперь ждет не уют, а поле битвы, где мой младший сын уже пошел на поводу у собственного отца-предателя. Нет, туда я ещё не готова.

Мне нужна тихая гавань. Нужна земля под ногами. Не для того, чтобы помочь разобраться со всеми проблемами. Не для того, чтобы сдаться, а просто ради того, чтобы понять, что я не одна. Что еще есть те, кому не все равно. Почувствовать на себе материнские руки, которые погладят по голове. Услышать родной голос мамы, который скажет:

“Всё будет хорошо”.

Нужен отец, который грозно спросит:

“Где этот негодяй? Я с ним поговорю!”

Да, глупо, но кажется, что это какое-то спасение, когда все вокруг рушится. Детская, наивная, утробная потребность. Я почти верю в неё, пока машина не останавливается у знакомой пятиэтажки, в которой я выросла. Окна их квартиры на третьем этаже светятся жёлтым, уютным светом. Вроде бы всё как всегда.

Но когда я поднимаюсь по лестнице, ноги становятся ватными. Что я скажу? Как начну?

“Мама, папа, у Миши внебрачный сын, и теперь он живёт у нас, а Илья с ним играет, и мой мир рухнул?”

Звучит как бред сумасшедшей из плохого сериала. Я останавливаюсь перед дверью, делаю глубокий вдох, пытаюсь собрать своё лицо во что-то менее потерянное, и звоню.

Дверь открывает мама. Она как всегда в фартуке, а у них дома пахнет жареной картошкой и детством.

— Алёнушка! Сюрприз-то какой! — ее лицо озаряется искренней радостью, но тут же на нём появляется тревога. Она смотрит на меня, на мои, наверное, запавшие глаза, на мои бескровные губы. — Ты чего такая? Заходи, заходи, холодно же.

В гостиной папа смотрит телевизор. Новости. Как обычно. Увидев меня, он слегка откашливается, откладывает пульт.

— Дочка. А ты чего одна? Миши, с тобой нет или, может, он машину ставит? Всё в порядке?

Их забота как тёплое одеяло, в которое так хочется закутаться. Но именно сейчас я чувствую, как под ним уже ползут мурашки ледяного предчувствия. Мы садимся на кухне. Мама ставит передо мной чашку чая, пахнущего лимоном и мятой. Я беру её в ладони, греюсь. Молчу.

— Ну? — не выдерживает папа. — Говори, что стряслось. По лицу же видно, что стряслось нечто нехорошее.

Я смотрю на них. Думаю пару секунд, а потом начинаю говорить. Сначала сбивчиво, потом, по мере того, как слова вырываются наружу, всё быстрее и жёстче. Про ребёнка в машине. Про ложь. Про тест ДНК. Про то, как Илья уже втянут в этот цирк. Я не рыдаю. Я просто излагаю факты, как на суде, но голос предательски дрожит на последних словах. Мне нужно выговориться. Разделить с кем-то свою боль.

Я заканчиваю и жду их возмущения, их гнева за меня, их поддержки.

Папа откидывается на спинку стула, потирает ладонью подбородок. Щетина шуршит. Он смотрит не на меня, а куда-то в стол.

— Хм, — произносит он наконец. — Дело-то... дело обычное, Алён. Нехорошее, конечно. Но не смертельное.

Я замираю. “Дело обычное”?

— Пап, у него ребёнок! Пять лет! Он двадцать лет врал!

— Да ладно тебе! Не двадцать. Шесть получается. А это уже не такой уж и срок.

— Врал, не врал... Может, боялся сказать, — вступает мама, голос у нее виноватый, примирительный. Она кладёт свою руку поверх моей. — Алён, ты посмотри на это с другой стороны. Он не бросил этого ребёнка. Значит, подошел со всей ответственностью. Деньгами, наверное, помогал всё время им.

— Какая разница?! — вырывается у меня. — Он живёт двойной жизнью! Он берёт деньги из своей семьи и отдаёт туда. Это не нормально. Не правильно. Он мог сказать. Мог сначала развестись со мной, а уже потом строить вторую семью, но вместо этого он решил...

— А ты терпи. Ты же умная женщина, — перебивает меня папа уже более твёрдо. Его голос звучит не как совет, а как приговор. — У тебя двое детей. Степа вот-вот женится. Развод — это скандал, дележка, разлад в семье, с детьми. А мужик он у тебя, что ни говори, с деньгами. Дело свое имеет, не пьёт, не бьёт... Это уже хорошо. Да, и тебя он любит. Не любил бы, так не поженились бы.

У меня перехватывает дыхание. словно все органы в груди резко сменили плотность и теперь тянут вниз, в какую-то бездну. Я смотрю на отца, не веря своим ушам.

“Уже хорошо”.

Значит, если бы пил и бил, то было бы плохо. А так ничего страшного. Ерунда. Ребенок и женщина, с которой он, скорее всего, спит, а потом возвращается ко мне как ни в чем не бывало.

Моя боль, моё унижение, моё крушение — всего лишь досадная помеха для сохранения видимости благополучия.

— Мама, — шепчу я, обращаясь к ней в последней надежде. Хотя бы она должна меня понять. Она же женщина. Она же может встать на мое место, но она предпочитает избегать моего взгляда, поправляя салфетницу. Потом наклоняется ко мне и говорит тихо, почти шёпотом, как будто сообщая великую, неприглядную тайну:

— Алён, да ладно тебе. Все мужики гуляют. Это в природе их заложено. Твой хоть ребёнка признал, не открестился. Многим бы так. Ты не первая, ты не последняя. Главное — семью сохранить. Ради детей.

“Все мужики гуляют”.

Эти слова добивают меня окончательно. Это не поддержка. Это хладнокровное предательство. Предательство поколениями накопленной лжи, смирения и страха. Они предлагают мне не бороться, а сдаться. Не отстаивать своё достоинство, а “сохранить семью”. Ту самую гнилую видимость, которую Миша и создал.

Я медленно убираю свою руку из-под её ладони. Чай в чашке остыл, на поверхности плавает жёлтая плёнка. Я встаю. Ноги держат, но всё тело кажется чужим, тяжёлым.

— Я вас поняла, — говорю я. Мой голос звучит ровно, пусто. — Спасибо за чай.

— Алёна, ты куда? — поднимается мама, и ее лицо теперь кажется испуганным. — Оставайся, поужинай! Поговорим ещё!

— Нет, — отрезаю я. — Мне нужно.... Я лучше все же пойду. Не буду обременять вас своим присутствием. Я поеду домой.

Я произношу это автоматически, уже не понимая, что значит “дом”. Выхожу на лестничную площадку и дверь за мной закрывается, отрезая тёплый свет кухни и их растерянные, беспомощные лица. Они не злодеи. Они просто живут в другой реальности. В реальности, где

женское счастье измеряется толщиной кошелька мужа и отсутствием синяков. В реальности, где достоинство — роскошь, которую нельзя себе позволить.

Я спускаюсь по лестнице. Каждый шаг отдаётся в висках тяжёлым, глухим стуком. На улице темно, мороз щиплет щёки. Я стою у подъезда, не зная, куда идти.

“Домой?”

Туда, где меня ждёт чужой ребёнок и муж-предатель? У меня теперь нет дома. Есть адрес, где я прописана.

Я понимаю, что помощи ждать неоткуда. Вообще. Ни от кого. Родители отrekliсь, сын переметнулся, муж стал врагом. Коллеги? Они увидят слабину, и моя профессиональная репутация рассыплется в прах.

Остаётся только одна точка опоры. Я сама.

Но я её уже не чувствую. Я сейчас просто женщина, стоящая на морозе в полном одиночестве. И я кажусь себе призраком. Призраком той Алёны, которая была раньше. Та шла уверенно, с полной сумкой достижений и твердым знанием, что у неё есть тыл. У этой... за спиной только холодный ветер и эхо материнских слов: “Все мужики гуляют”.

Я медленно иду по снегу, не замечая направления. Просто иду, потому что стоять на месте значит превратиться в ледяную статую собственного горя. И с каждым шагом внутри что-то затвердевает. Что-то прочное и страшное.

Если помощи нет, значит, придётся выживать одной. Если все предали, значит, надо полагаться только на себя. Если мой мир рухнул, значит, я построю его заново. Камень за камнем.

Но есть и тот, кто все еще остается моей последней надеждой. Степа. Он единственный, кто еще ничего не знает, и пока я еще держусь на том, что он не окажется таким же, как и Илья.

Я надеюсь, что он не встанет на сторону отца. Не будет защищать его. Иначе... иначе, мне придется очень тяжело. Настолько, что я не знаю смогу ли я выстоять.

Глава 9

Алена

Я стою под окнами нашего дома. Точнее, под окнами квартиры, которая была нашим домом. Свет в гостиной горит тёплым, жёлтым пятном. Картинка из прошлой жизни. Из вчерашней жизни. Я представляю, что там на диване, лежит Миша, возможно, с ноутбуком. Илья у себя в комнате, в наушниках. Тишина, покой. Ложь.

В эту картинку ворвался чужой элемент. Пятилетний мальчик. И свет в окне кажется уже не уютным, а наблюдательным постом, из которого за мной следят. Стоит ли подниматься? Может быть, он всё-таки уехал? Увёз его в квартиру к его матери, нанял няню, снял гостиницу? Слабая, глупая надежда теплится где-то на дне ледяного колодца, в который превратилась моя грудь.

А Илья? Если они уехали, Илья остался? Или пошёл с ними. Пошел защищать “братика” и “несправедливо обиженного папу?”

Я смотрю на освещенные окна, и во мне поднимается что-то тяжёлое, тёмное и упрямое. Это не гнев. Это право собственности. В самом примитивном, животном смысле.

Это мой дом.

Я платила за него своей работой, своими нервами, годами поддержки его бизнеса, своими родами, бессонными ночами, мытыми полами и выбранными вместе обоями. Это моя территория. И я не буду оттуда изгнана. Не уступлю это место ему и его... его последствиям.

Я распрямляю плечи. Ветер дует прямо в лицо, но внутри настоящий пожар. Я иду к подъезду. Вхожу. Лифт везет меня наверх, и я чувствую, как с каждым этажом напряжение нарастает, сжимая виски.

Ключ поворачивается беззвучно. В прихожей пахнет попкорном. До меня доносится звонкий, беззаботный детский смех. Смех, от которого сжимается всё внутри.

Я раздеваюсь и замираю на пороге гостиной. Они здесь.

Миша развалился в моём любимом кресле у окна. Он смотрит не на экран, а на диван. На нем, под моим пледом, сидит Кирилл. В пижаме. Рядом валяется Илья, уткнувшись в телефон, но иногда он что-то говорит мальчику, и тот заливается этим самым смехом. Они смотрят какой-то яркий, глупый мультфильм.

Идиллия. Новая. Их идиллия. На моей территории. С моим пледом. При свете моей люстры.

Каждый их смешок, каждый довольный вздох Миши как плевок. Плевок в мою боль, в моё одиночество, в наше совместное прошлое. Они устроились здесь, как у себя дома. Потому что он так решил. Потому что “всё можно решить цивилизованно”. То есть цинично.

Я не помню, как делаю шаг вперёд. Звук телевизора внезапно становится оглушительным. Я беру в руки пульт и молча выключаю.

Три пары глаз устремляются на меня. Миша смотрит на меня сурово, с яростью, которая рвется наружу. Мальчик, наоборот, выглядит растерянным, но я не скажу, что он испугался, скорее он расстроился, что его мультфильм выключили на самом интересном месте. И эта его уверенность, вседозволенность в моем доме говорит о многом. Значит, Миша позволяет ему это. Или он не такой уж и невинный.

— Мам..., — устало тянет Илья, словно я надоедливая муха Ильи.

— Всё, — говорю я, и мой голос режет воздух. — Представление окончено.

Миша медленно поднимается из кресла. На его лице не раскаяние, а раздраженная усталость, как у человека, которого оторвали от важного дела.

— Алёна, не начинай... Я думал, ты успокоилась.

— Я не начинаю, — перебиваю я и смотрю прямо на него, не отводя взгляда. — Я заканчиваю. Пора отвечать за свои поступки. Выбирай. Или он, — я киваю в сторону мальчика, не глядя на него, — уходит из моего дома прямо сейчас. И ты вместе с ним. Или ухожу я. И забираю с собой нашего сына.

В комнате повисает тишина. Илья вскакивает с дивана.

— Мам, что ты несешь?!

— Молчи, Илья! — бросаю я ему, не отрывая глаз от мужа.

Миша смотрит на меня. И вдруг на его губах появляется улыбка. Не добрая. Не виноватая. Холодная, снисходительная и... торжествующая. Он тихо смеется. Этот звук сухой, неприятный. Он заполняет комнату.

— Ты никуда не уйдёшь, Алён, — говорит он спокойно, почти ласково. — Ты слишком меркантильна для этого и крайне предусмотрительная.

Я чувствую, как холодный прилив крови отливает от лица.

— Что?

— Ты не отдашь мне эту квартиру просто так. Ты же знаешь, сколько она стоит. Сколько в неё вложено. И ты вложила наравне со мной. Это твое кровное. Ты не уйдёшь, оставив мне такое наследство. Это не в твоих правилах.

Он делает шаг ко мне. Его глаза теперь смотрят на меня не как на жену, не как на жертву, а как на оппонента. На противника, слабости которого он прекрасно изучил.

— У тебя нет на это сил, — продолжает он тихо, но так, чтобы слышал Илья. Чтобы слышал я. — И, главное... ты слишком любишь наш образ жизни. Хорошие рестораны. Машина. Уважение коллег, которые считают, что у тебя “идеальная семья”. Ты не променяешь это на съемную однушку и статус брошенной жены. Ты не такая.

Он произносит это с абсолютной уверенностью. Как констатацию факта. И впервые за двадцать лет я вижу его истинное лицо. Не мужа, ни отца, ни партнёра. Расчетливого манипулятора, который знает все мои кнопки и сейчас давит на них без всякого стеснения. Он не просто изменил. Он меня презирает. Презирает мою привязанность, которую создавал вместе со мной, мою гордость, которую теперь превращает в ошейник.

И самое страшное, он прав. В одном точно. Я действительно не готова с такой легкостью оставить ему квартиру, на которую я зарабатывала наравне с ним.

— Мама, я никуда не уйду! — еще больше шокирует меня Илья. — Прекращай вести себя так, словно ты одна можешь здесь принимать решения. Ты же сама всегда говорила, что я уже не ребенок. Так будь добра слушать и меня. Уважать мое мнение. Тебе хочется ссориться с отцом? Хочется показухи, так действуй. Только не вплетай в это меня. Я не хочу.

Я смотрю на самодовольное лицо мужа, на мальчика на диване, на серьезного Илью. И понимаю, что я не могу уйти, и позволить ему победить так легко... Он прав. Я не оставлю ему квартиру.

— Ты ошибаешься, — выдыхаю я. Голос звучит хрипло, но в нём нет дрожи. Теперь есть только сталь. — Ты ошибаешься насчет меня. Сильно ошибаешься. И если за столько лет совместной жизни ты так и не узнал меня, то это твои проблемы. Но я знаю одно. Ты проиграл. Ты показал, кто ты есть. И теперь я это тоже знаю. И это твой главный проигрыш.

Я разворачиваюсь и ухожу из гостиной. Не на улицу. В спальню. И запираю дверь на ключ. Впервые за двадцать лет. Мне нужно оградиться. От его голоса, от детского смеха, от этого чудовищного спектакля в моей же гостиной.

Я стою спиной к двери, слушая, как бьется сердце. Он показал свои карты. Теперь мне нужно решить, какую карту разыграю я.

Глава 10

Алена

На следующий день я просыпаюсь от того, что моя половина кровати пуста. Он не пришел. Не смог войти или решил, что не стоит еще сильнее нагнетать ситуацию. А возможно, он впервые испугался. Вспомнил о том, кто его жена.

Я лежу неподвижно, прислушиваясь. Из кухни доносится негромкая возня, детский голос что-то спрашивает, и мужской спокойный, ровный голос ему отвечает. Без интонаций. Без той теплоты, с которой он раньше говорил со Стёпой или Ильёй в детстве. Это инструкция. Это управление. Управление новой реальностью.

Я выхожу в коридор. Навстречу мне, пошатываясь от сна и увлеченности, бежит Кирилл. Он несет в руках игрушечный самолет. Наши глаза встречаются на секунду. В них детское, неподдельное любопытство и лёгкий испуг. Он резко сворачивает и убегает в гостиную, к безопасному дивану.

Я иду на кухню. Миша стоит у плиты и жарит яичницу. На нём домашние брюки и футболка. Вид совершенно обыденный. Но когда он поворачивается и видит меня, на его лице не появляется ничего. Ни улыбки, ни гримасы раздражения. Пустота. Он молча отворачивается, перекладывает яичницу на тарелку.

— Илья, — говорит он, не глядя на меня, голосом, каким мог бы отдать распоряжение курьеру. — Завтрак готов. Иди есть.

Илья, копошащийся в холодильнике, прыскает соком. Он оборачивается, смотрит то на отца, то на меня. На его лице растерянность. Он не понимает новых правил, но уже чувствует, что быть между двух огней неудобно. Возможно, именно сейчас, он осознает, что все давно вышло из-под контроля и стоит принять правду. Неудобную, но правду, что больше ничего не будет как прежде.

— Папа, а мама...

— Завтрак на столе, — повторяет Миша, всё так же не глядя в мою сторону. Он ставит тарелку на стол для Кирилла. Он, словно, почувствовав, возвращается. Миша усаживает его. Всё делает сам. Я словно невидимка.

Я подхожу к кофемашине. Беру свою чашку. Он стоит рядом, моет сковороду. Мы находимся в сантиметрах друг от друга, но между нами прозрачная, ледяная стена. Я чувствую тепло его тела, слышу его дыхание, но это не муж. Это статуя. Враждебный объект, занимающий пространство кухни.

Я наливаю кофе и ухожу, не сказав ни слова. Впервые за двадцать лет мы не поздоровались утром.

Тактика становится ясна в течение дня. Он не игнорирует меня полностью. Это было бы слишком просто. Он делает меня невидимой через посредника. Через нашего сына.

Я сижу в гостиной, пытаюсь читать служебную переписку на ноутбуке, но взгляд постоянно соскальзывает за окно, в пустоту.

— Илья, — раздаётся голос Миши из коридора. Он говорит громко, отчётливо, будто я нахожусь в другой квартире. — Скажи маме, что я сегодня заберу Кирилла из сада в пять.

Илья, игравший на приставке, морщится. Он ненавидит быть почтальоном. Но встает, подходит ко мне, не глядя в глаза.

— Мам... Папа сказал, что...

— Я слышала, — обрываю я его, и мой голос звучит резче, чем нужно. Илья вздрагивает и быстро ретируется.

Каждый раз, когда он произносит это “скажи маме”, во мне сжимается что-то маленькое и живое. Это унижение тоньше и страшнее любого крика. Крик — это признание моей значи-

мости, моей способности ранить. А это полное удаление. Я больше не собеседник. Я функция, о которой нужно известить через третье лицо. Как инвалида, который не может воспринимать информацию напрямую.

Вечером, когда он возвращается с мальчиком, история повторяется.

— Илья, скажи маме, что ужин на столе. Если она голодна.

Я сижу в спальне. Слышу эти слова сквозь дверь. Я не голодна. Я вообще ничего не чувствую, кроме холодной, тошнотворной пустоты в желудке и желания поскорее с этим покончить. Но я выхожу. Из принципа. Это мой дом, и я имею право есть на своей кухне.

На кухне они уже сидят втроём. Миша кормит Кирилла с ложки, что-то ему рассказывая. Илья уплетает пасту, уткнувшись в телефон.

Я не принимаю его еду. Я готовлю себе сама. Достаю овощи из морозилки. Отправляю их на сковороду. Жду, когда они приготовятся. Накладываю.

Мне никто не говорит “приятного аппетита”. Места для меня здесь попросту нет. Илья поднимает на меня взгляд, и в его глазах я читаю неловкость и желание провалиться сквозь землю. Он не знает, как себя вести. Поддерживать отцовскую линию молчаливого бойкота? Или попытаться говорить с матерью, рискуя вызвать папин гнев?

Я пытаюсь с ним заговорить первой.

— Илья, как в школе?

— Нормально, — он неопределенно мычит, глядя в тарелку.

Миша в этот момент вытирает Кириллу рот салфеткой и говорит, не повышая голоса, но так, чтобы я обязательно услышала:

— Илья, не разговаривай с набитым ртом. Это некультурно.

Фраза формально обращена к сыну. Но её подтекст, её ледяная вежливость, направленная на пресечение любого нашего общения, — это удар ниже пояса и я наконец-то понимаю чего он добивается. Илья покорно замолкает. За столом повисает тягостное молчание, нарушаемое только звоном ложки о тарелку Кирилла и его лепетом.

Я чувствую себя призраком. Не тем страшным привидением, которое пугает, а тем незаметным, забытым духом, который бродит по когда-то родным местам, не в силах ни на что повлиять. Меня не ругают, со мной не спорят. Меня просто стараются не замечать. Максимум делают вид, что я неодушевленный предмет, о котором нужно известить.

Когда я мою свою тарелку, Миша подходит к мойке с грязной посудой. Кирилла. Он ставит её в раковину аккуратно рядом, но не смотрит на меня, не говорит “подвинься” или “дай, я сам”. Он просто ждёт, пока я отойду. Его молчаливое присутствие за моей спиной — это физическое давление. Я быстро споласкиваю тарелку и ухожу.

Перед сном я слышу, как он читает Кириллу сказку в гостевой комнате, которую теперь называют “Кириной”. Голос ровный, спокойный. Потом он выходит, проходит по коридору мимо нашей спальни и заходит в кабинет. Я слышу, как щелкает замок. Он спит там. На раскладном диване.

Двадцать лет мы ложились спать вместе. Даже после ссор. Даже уставшие. Теперь тишина и два отдельных замка. Один на моей двери. Другой на его новой жизни, отгороженной от меня стеной ледяной вежливости и манипуляций через нашего сына.

Я ложусь в пустую кровать. Она кажется огромной и ледяной. Раньше я думала, что самое страшное — это скандал. Оказалось, самое страшное — это тишина. Тишина, в которой тебя стирают ластиком из собственной жизни, не тратя на это даже эмоций. И от этой тишины, от этого ощущения собственной невидимости, хочется кричать так, чтобы звенели стекла.

Но кричать некому. И незачем. Потому что он только этого и ждёт. Он специально провоцирует меня, чтобы я сорвалась, показала себя “истеричкой”, нестабильной, сумасшедшей. А он останется спокойным, рациональным, “по-взрослому” решающим проблему. Он останется тем, кто сможет в суде сказать, что он хотел мира. Что он заботится о нашем сыне, а я та, кто

устраивает истерики, но я не позволю ему этого сделать. Я не позволю отнять у меня сына и мою жизнь таким грязным методом.

Мой аналитический мозг постепенно начинает видеть очертания реальности. Не как жертвы, а как того, кто умеет отключать эмоции и видеть цельную картинку.

И его действия уже не кажутся глупостью. Он продумывает каждый свой шаг, чтобы загнать меня в угол, но я буду действовать иначе. Так что он даже не поймет, когда окажется на дне.

Глава 11

Алена

Моя терпимость, если её вообще можно было так назвать, была не добродетелью, а формой паралича. Паралича от шока, от неверия, от ледяного ужаса, в который превратилась моя жизнь. Но любая анестезия рано или поздно заканчивается. И боль, острые, рваные осколки этой боли, прорываются наружу.

Пару дней я была призраком. Ходила по дому по натянутому канату ледяной сдержанности, глотая каждое его “скажи маме”, каждую его улыбку чужому ребёнку, каждый взгляд Ильи, полный растерянной жалости не ко мне, а к ситуации. Я думала, что так я сохраняю достоинство. Но достоинство нельзя сохранить, когда тебя стирают из собственной жизни, как карандашный набросок.

Перелом наступает вечером очередного дня. Боль и шок отступают. Голова проясняется, возвращая прежнюю Алену. Ту, которая умеет постоять за себя. Которая не готова мириться с выходками мужа и молча смотреть на то, как его внебрачный сын разгуливает по дому, словно он принадлежит ему.

Я стою в темноте спальни, пью третью чашку холодного чая и смотрю на стену. А потом вижу их. Миша выводит Кирилла из ванной, мальчик в забавной пижамке с динозаврами, с мокрыми вихрами. Они проходят по коридору мимо моей двери. Миша несёт его на руках, что-то тихо напевая. Ту же самую глупую песенку про паровозик, что пел Стёпе и Илье.

Этот звук. Эта интонация. Знакомая до слез, до боли в груди. Он не просто принял этого ребёнка. Он его любит. Любит так же нежно и просто, как любил наших детей. И это последняя капля. Та, что переполняет сосуд, полный яда, горечи и невысказанных вопросов.

Я не помню, как выхожу в коридор. Я просто оказываюсь там, блокируя им путь в гостевую комнату. Свет в прихожей резкий, он выхватывает наши лица. Его на мгновение застигнутое врасплох, моё, должно быть, дикое, искаженное.

— Кто она? — вырывается у меня совсем не то, что я хотела сказать. Голос не мой. Это низкий, хриплый шепот, полный такой ненависти, что я сама пугаюсь.

Кирилл инстинктивно прижимается к Мише, пряча лицо у него на плече. Я хотела сказать о разводе. О том, что больше не собираюсь оставаться его женой, но моя женская любопытная натура сказала совершенно не то, что хотел выдать мой рациональный мозг.

Миша замирает. Его лицо снова становится маской, но в глазах мелькает что-то живое, похожее на раздражение.

— Алёна, не сейчас. Ребенку пора спать.

Надо же. Он отвечает. Впервые видит во мне не пустое место, а жену, которая требует ответов.

— Я повторяю. Кто она?! — говорю я уже громче, не в силах остановиться.

Те образы, что крутились в голове все эти дни, вырываются наружу. Я осознаю, что спрашиваю это не потому что так будет легче, а потому, что именно так я буду знать, как мне действовать дальше. Я буду знать, кто мой противник и как мне стоит готовиться.

— Коллега? Та самая секретарша из офиса, на которую ты когда-то неодобрительно косился? Или клиентка? Та, с которой ты так упорно “работал” допоздна? Кто родила тебе этого ребёнка, пока ты клялся мне в верности?!

Каждое слово как удар хлыста. По нему. По себе. Кирилл начинает тихо хныкать. Миша машинально гладит его по спине, но его взгляд пригвожден ко мне. Он молчит. Его молчание плотное, вызывающее, и оно льёт на огонь моего бешенства бензин.

— Говори! Ты ей врал, что разведенный? Или говорил, что жена стерва, которая тебя не понимает?

— Алена, успокойся, ты несешь чушь, — бросает он сквозь зубы. Но его голос теряет ту ледяную, железную уверенность. В нём слышится напряжение. И в его глазах... Я всматриваюсь. Да, это не раздражение. Это паника. Быстрая, животная паника человека, который теряет контроль над ситуацией, над своей аккуратно выстроенной ложью.

Он боится. Боится не моей истерики. Боится, что я докопаюсь до истины. И этот страх — мой первый луч света в крошечной тьме. Мой козырь.

— Оля, — вдруг говорю я. И наблюдаю за его лицом. Это не вопрос. Это проверка. Имя его первой жены, с которой он развёлся за год до нашей встречи. Красивой, немного взбалмошной женщиной, о которой он всегда отзывался с легким снисхождением: “Не сошлись характерами. Она витала в облаках”.

Его лицо меняется. Маска съезжает окончательно. Щёки слегка опадают, губы на долю секунды размыкаются. В глазах не просто паника. Шок. Полное, оглушительное поражение. Он не ожидал, что я вспомню о ней. Что я так быстро нащупаю эту опасную ниточку, за которую стоит потянуть, и клубок его лжи разматается.

— Нет... Алёна, это не важно... не важно, кто она. Это не имеет никакого значения, — бормочет он, отводя взгляд. Но уже поздно. Он всё сказал без слов.

Тело наполняет странная смесь. Леденящая ясность и приступ тошноты. Я стою и медленно собираю пазл, который не хотела видеть.

— Оля, — повторяю я уже тише, с отвращением. — Твоя бывшая жена. К которой у тебя “ничего не осталось”. Ты... ты с ней всё это время? Все эти годы? Она... она знала обо мне? О наших детях?

Он молчит. Мальчик на его руках затихает, чувствуя напряжение.

— Она знала. Боже, она все знала, — отвечаю я за него, и горький вкус во рту становится невыносимым. — Конечно, знала. Знала и все равно родила. Это не “ошибка”, не “случайность”. Это... продуманная ложь, которая длилась годами. Все двадцать лет. Ты жил с нами, а с ней... поддерживал отношения. Создавал другую семью. Как же это подло.

— Алена, давай не при ребенке.

— Почему нет? Пусть он слышит. Пусть знает, какие у него родители. Пусть знает, кто такая его мать. Пусть знает, что его мать разрушает чужие жизни.

Он резко поворачивается к двери гостевой комнаты, пытаюсь уйти от разговора, от моего взгляда.

— Алена, все в прошлом. Это не твое дело. Это было до тебя.

— До меня? — я издаю короткий, сухой звук. — Ребенку пять лет, Миша! Не двадцать пять! Ты лжешь даже сейчас! В лицо! Это и есть твоя суть, да? Сплошная ложь!

Он заходит в комнату, укладывает Кирилла, что-то шепчет ему. Я остаюсь в коридоре, прислонившись к стене. Ноги подкашиваются. Оля. Его первая любовь. Та, которую, как он говорил, “перерос”.

Оказалось, нет. Оказалось, он просто переместил её в параллельную реальность, а мне отвел роль официальной жены, хозяйки и партнёра по бизнесу. Удобной, уважаемой вывески.

Он возвращается один. Мы стоим вдвоём в узком пространстве коридора. Он пытается пройти мимо, но я преграждаю путь.

— Почему? — спрашиваю я уже без крика. — Почему ты все это время оставался со мной? Зачем тебе это... этот спектакль? Остался бы с ней.

Он смотрит на меня. В его глазах уже нет паники. Есть усталость. Бесконечная, каменная усталость человека, который устал врать, но и правду говорить не собирается.

— Я сказал успокойся. Ничего не изменится. Мой сын вернется к ней сразу, как только она сможет его забрать.

— Всё уже изменилось, — говорю я. — Теперь я знаю. Я знаю, с кем меня сравнивали все эти годы. И знаю, что твой “идеальный сын” — это просто продолжение твоей первой, настоящей, как ты, наверное, считаешь, семьи. И поверь, теперь тебе не понравится то, что я буду делать. Ты не просто предал, ты унизил, втоптал в грязь, и ты пожалеешь об этом. Запомни мои слова, Миша.

Он не отвечает. Проходит мимо, задев меня плечом, и уходит в кабинет. Дверь снова закрывается на ключ.

Я остаюсь одна в тишине. Но теперь эта тишина другая. Она наполнена не пустотой, а ответом. Ужасным, отвратительным, но ответом. Враг обрел имя и лицо. И это не абстрактная “молодая любовница”. Это часть его прошлого, которая оказалась сильнее нашего настоящего.

И теперь я знаю, с чем имею дело. Не с ошибкой. С системой. С продуманной, циничной, двойной жизнью, где у меня была своя роль. И эту роль я больше играть не намерена.

Теперь, когда я знаю имя, я могу действовать. Не просто кричать в пустоту. А искать слабые места в этой чудовищной конструкции, которую он выстроил. И первое слабое место — это паника, которую я только что увидела в его глазах. Он боится, что я узнаю слишком много. Значит, мне есть что узнавать.

Глава 12

Алена

Я собираюсь на работу. Стою на пороге собственной квартиры, затягивая пальто, и уже ощущаю ледяную пустоту за дверью. То ли от ожидающего меня на улице ветра, то ли от внутреннего оцепенения, пока его голос не останавливает меня, как рука на плече.

— Не забудь, что у нас дома сегодня ужин с моей семьёй. У бабушки юбилей. Ей восемьдесят пять. Не вздумай устраивать сцен.

Я медленно поворачиваюсь. В груди холод. Во мне нет никаких эмоций. Он их выжег. Стер своим равнодушием. Он стоит в дверном проеме кабинета, бледный и напряженный, будто готовится не к празднику, а к казни, и правильно делает.

— А разве ты ещё не сказал своей родне, что мы разводимся? Если ты вдруг забыл, то я тебе напоминаю. У нас нет иного выхода, и будет правильно оповестить их заранее, чтобы ни у кого не было шока, когда мы получим на руки свидетельство о расторжении брака. Кстати, по поводу документов можешь не переживать. Я все подготовлю. Обещаю, что сделаю все в ближайшее время.

Его лицо искажает гримаса раздражения.

— Мы не разводимся, Алёна, прекрати твердить об этом! Скоро все закончится и вернется на свои места. Просто... постарайся сегодня вести себя нормально. Хотя бы один вечер. Не вздумай сделать этот юбилей последним в жизни бабушки, которая тебя любит, как родную дочь.

Он давит на больное. Он знает. Баба Маша. Его бабушка, — единственный человек в его семье, кого я по-настоящему люблю. Не за статус, а за ту редкую, безусловную доброту, что светится в ее морщинистых глазах.

Этот ужин, этот юбилей, запланирован давно. Она несколько месяцев умоляла нас отметить его дома, “по-семейному, тихо”. И почему-то она особенно настаивала, чтобы были я, Миша и его родители. Как-будто она что-то знала или догадывалась. А может, просто предчувствие. Я тогда думала, что это просто тоска по близости. Теперь этот её настойчивый зов кажется зловещим.

— Ты меня поняла? — он повышает голос, пока я молча смотрю на него, не торопясь с ответом.

— Не переживай, — отвечаю я с ледяной усмешкой. — Она точно не забудет этот день.

— Алёна! Сколько можно....

Но я уже не слушаю. Мне всё равно, что он скажет. Единственная невинная во всей этой истории — баба Маша. И я пока не знаю, как ей сказать правду. Как разбить её старое, доброе сердце.

Вечером я возвращаюсь домой вся на нервах. Как бы тяжело ни было, но я должна рассказать ей правду.

Подъезжаю к дому. Смотрю на освещенные окна. Неужели он оставит Кирилла дома? Позволит бабушке узнать правду вот так, с порога? Да нет. Он слишком труслив для такого поступка. Он умеет действовать только из-под тишка. Со спины.

Я поднимаюсь, хотя ноги категорически отказываются туда идти. В прихожей пахнет праздничной едой и... детским шампунем. Слышатся голоса. Возбуждённый лепет Кирилла, невнятные ответы Ильи, низкий, успокаивающий бас Миши. Он не увел его. Конечно. Решил познакомить всех со своим ребенком, от той, которой, как он клялся, нет в его жизни или в его голове назрела очередная ложь?

Я делаю шаг вглубь, и мне навстречу, как на патрулировании, выходят Илья и Кирилл. Они одеты в куртки. Илья, увидев меня, бледнеет, его голос срывается.

— Мам? Мы... в общем...

Он не может подобрать слов, и это бессилие красноречивее любой фразы.

— Они уходят погулять, — вмешивается Миша, появляясь из гостиной. На нём свежая рубашка, но глаза выдают панику. Он боится. Боится того, что я могу уничтожить его планы.

Я не могу сдержать короткого, сухого смешка.

— Гулять? А я думала, что в тебе осталась еще капля совести и ты не будешь прятать от своей собственной семьи своего внебрачного ребенка. Или ты испугался последствий? Испугался того, что твоя семья тебя не поддержит?

— Алена!

— Я помню, что я Алена, дорогой. Но мне любопытно, откуда у тебя столько сомнений, что его никто не примет? Или ты только передо мной такой весь из себя уверенный и непоколебимый?

— Дело не в этом. Просто я не хочу, чтобы бабушка переживала. Такие новости не сообщают столь внезапно.

Я чуть ли не прыскаю со смеху от его слов. Конечно, такие новости не сообщают вот так. Их сообщают по факту, когда приводят в дом ребенка и говорят, что он будет жить здесь.

— Значит, так ты решил проблему со своим внебрачным сыном? — спокойно говорю я и сама удивляюсь этому. — Убрал ребенка с глаз долой. А сказать родителям и бабушке, что смелости не хватает?

— Алёна, прекрати, — шипит он, бросая взгляд на дверь, за которой вот-вот должны появиться гости. — Ты же знаешь, что у бабушки сердце. Ей нельзя нервничать. Я скажу ей. Но позже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.